

Nils Roll-Hansen. The Lysenko Effect. The Politics of Science. New York: Humanity Books, 2005. 335 p.

Осенью 1983 г. я уезжал в первую заграничную командировку, в Финляндию, до вечернего поезда было далеко, и я зашел в Институт. Был неприсутственный день, и сразу бросился в глаза высокий худой человек с острым лицом и копной рыжих волос, словно повзрослевший герой «Чудесного путешествия Нильса с дикими гусями», неприкаянно бродивший по коридору и рассматривавший книги через стекла книжных шкафов. «Нильс?!» (вопросительно). – «Да, это я!!» (восторженно). Это был Нильс Ролл-Хансен, норвежский физиолог растений и философ науки, с которым мы обменивались оттисками статей. У меня было два часа свободных, у Нильса было два часа свободных, и мы содержательно провели это время в центральном зале второго этажа роскошного, но тогда доступного ресторана «Националь». Мы дружно пожалели, что у меня командировка на 10 дней, и у него командировка на 10 дней. «Может быть, мне продлят», – заметил Нильс. Ему продлили. Мне тоже. Мы вновь встретились лишь позже.

Нильс рассказывал, что коллеги требуют, чтобы он разъяснил им историю с Т. Д. Лысенко: ты, мол, знаешь русский язык и ты физиолог растений (а другие-то писали о генетике). Нильс разбирал материалы архива и библиотеки Имперского бюро растениеводства в Англии, работал в Wissenschaftskolleg zu Berlin, не один год изучал богатые материалы в русских архивах и библиотеках. В 1985 г. вышла его книга на норвежском: «Принятие желаемого за

действительное как наука: Начало лысенковщины в советской агронауке в 1928–1938 годах»; она была важным этапом, но еще не решала задачи, поставленной Нильсом. И вот теперь в серии «Управление природой» издательства «Humanity Books» вышла прекрасная книга «Эффект Лысенко. Политика науки» – результат многолетних исследований Нильса Ролл-Хансена.

На красной обложке норвежской книги 1985 г. были скрещенные микроскоп и молот. Новая книга (предисловие, 10 глав, литература, указатель имен) выдержана в академическом стиле. Но о лысенковщине после книг, статей и откликов на август 1948 года, были очень важные, если не исчерпывающие работы. Были три редакции яркой публицистической рукописи Жореса Медведева, известные как «малый, средний и большой медведь» (1962, 1964, 1967). Во второй половине 1960-х гг. дело шло к публикации книги в СССР, но после ввода советских танков в Прагу это стало невозможным. Книга вышла в Америке в 1969 г.¹ и лишь значительно позже в России². Было замечательное исследование Дэвида Журавского 1970 г.³ и его переиздание 1988 г. В нашем журнале были важные дополнения: «Круглый

¹ *Medvedev, Zh.* The rise and fall of T. D. Lysenko. New York: Columbia Univ. Press, 1969.

² *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М.: Книга, 1993.

³ *Joravsky, D.* The Lysenko Affair. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1970.

стол»⁴, публикация страстного обличения В. П. Эфроимсона⁵ и другие, были публикации эпохи гласности. Надо быть очень смелым, чтобы претендовать на новое слово о лысенковщине после монографии Журавского. И Нильс отважно бросил вызов.

Обычно лысенковщину объясняют сталинским деспотизмом. Этой книгой Нильс Ролл-Хансен делает попытку ревизии, чтобы показать, как ход событий зависел от взглядов действующих лиц на научные и философские вопросы. Конечно, репрессии и всеобъемлющий террор были основой всего, что происходило в СССР в тот период. Но чтобы должным образом понять иррациональность лысенковщины и объяснить, почему одна научная теория предпочиталась другой, требуется тонкий анализ научных проблем и вопросов научной политики, утверждает Ролл-Хансен. А вопросы научной политики имеют философское основание, не менее интересное и значимое в начале XXI века, чем это было в середине XX.

Ролл-Хансен сравнивает подходы к теме с тоталитарной и с радикальной позиций. Мысль, что причиной лысенковщины были марксистская теория и устаревшие идеи ламаркизма, это романтический западный миф, утверждал Журавский. На деле Лысенко восстал против науки вообще. Заботой было земледелие, а не теоретическая идеология, и шарлатаны тиранически злоупотребляли аграрными науками в течение 35 лет.

Дик Левонтин и Дик Левинс, представители радикального научного

движения, рассматривали лысенковщину как попытку научной революции, подлинную попытку сделать науку более действенным инструментом социального прогресса и справедливости. Почему она провалилась? – спрашивали они и отвечали: надо отличать ценные принципы от обстоятельств и непониманий, которые разрушили их. На их взгляд лысенковщина подняла важные вопросы об отношении теоретической науки к практической работе, которые оставались и остаются нерешенными⁶. В нашей стране эти авторы известны работами по генетике и экологии популяций. Но эти мысли не нашли у нас отклика. Действительно, как объяснить благодетельность лысенковщины коллегам и согражданам сотен замечательных ученых, вырванных из работы или из жизни?! Европейские зоологи пытались разобраться с этими авторами и выяснили, что марксизм американских профессоров не пустая фраза: они изучали последствия применения американской армией дефолиантов во Вьетнаме, издавали газеты для мексиканцев в США на своих кафедрах и т. д.

Ролл-Хансен же указывает, что роль научной политики в возникновении лысенковщины имеет особый интерес из-за мировой пионерской роли Советского Союза: это первое государство, которое создало личную политику для научных исследований и технологических разработок и дало примеры «большой науки» (связанные с бомбой и спутником). Ролл-Хансен отвергает тоталитарную интерпретацию. Он будет иметь дело с научными вопросами, как они эволюционировали в деба-

⁴ Круглый стол по истории генетики в литературе последних лет // ВИЕТ. 1987. № 4. 1988. № 1–2.

⁵ Эфроимсон В. П. О Лысенко и лысенковщине // ВИЕТ. 1989. №№ 1–4.

⁶ Lewontin R., Levins R. The problem of Lysenkoism // The Radicalization of Science. Ideology of/in the Natural Sciences. London: MacMillan, 1976. P. 32–64.

тах ученых, администраторов, политиков, где вырабатывалась политика науки. Он покажет, как ранние работы Лысенко (несмотря на их слабость, если смотреть из наших дней) укладываются в рамки стандартов своего времени. Как некоторые ведущие советские биологи восхваляли его идеи и экспериментальные результаты в области физиологии растений. Что они привлекали широкое международное внимание и оставались уважаемыми долгое время после того, как его генетика была высмеяна. И что взлет лысенковщины больше не может рассматриваться лишь как результат нелегитимного политического вмешательства: лысенковщина предстает как крайняя форма тенденций, присущих любой современной науке, которая тесно связана с практической политикой и экономикой в целом. Подход, принятый в книге, подчеркивает политику науки как фактор, который связывает события в научном знании с более широкими экономическими и политическими контекстами. Этим вопросам посвящены предисловие и первая глава – «Политика науки и проблема лысенковщины».

Во второй главе «Ситуация в науке о сельскохозяйственных растениях» Ролл-Хансен разбирает фигуру Н. И. Вавилова как оппонента Лысенко. Вавилов внес вклад в географию и систематику растений, а не в генетику. «Закон гомологических рядов» и «Линнеевский вид как система» – основа *мировой коллекции и теории происхождения культурных растений*. Вавилов – организатор и учитель, он ведущий менеджер советской сельскохозяйственной науки. С 1923 по 1934 гг. он был ключевой фигурой в создании грандиозной централизованной исследовательской системы, не имевшей аналогов в какой-либо другой стране. Ролл-

Хансен указывает, что Вавилов стоял за гибридизацию близких видов, дающую быстрый результат (в отличие от Г. К. Мейстера, сторонника гибридизации отдаленных видов, такого результата не предполагавшей).

В третьей главе «Босоногий профессор» Ролл-Хансон напоминает историю возвышения Т. Д. Лысенко и отмечает, что Лысенко и Вавилов оба были романтиками, в смысле Вильгельма Оствальда.

В четвертой главе «Марксизм и политика науки» Ролл-Хансен разбирает центральную роль Вавилова в работе по планированию науки (совещание в апреле 1931 г.), указывает на то, что ВИР имел много (приблизительно 35) отраслевых институтов и грандиозную сеть зональных станций и опорных пунктов. Ролл-Хансен подчеркивает сотрудничество и идейную близость Вавилова с Н. И. Бухариным. На лондонском конгрессе по истории науки 1931 г. Бухарин выдвинул требование овладеть историческим процессом. А Вавилов говорил там, что человек должен направлять эволюцию культурных растений и домашних животных по своей воле. Эта их позиция произвела впечатление на «левых» британских биологов Дж. Д. Бернала, Дж. Нидхэма, Дж. Б. С. Холдейна.

Ролл-Хансен замечает, что политика науки Бухарина (и Вавилова) восходит к А. А. Богданову, и что именно ее принял И. В. Сталин. Он подчеркивает важный момент философской дискуссии на рубеже 1920–1930-х гг.: *деборинцы* (среди них А. С. Серебровский) дали прецедент для вмешательства философии в научные вопросы, а *механисты* (Н. К. Кольцов) подчеркивали автономию науки и ее верховенство по отношению к философии.

Ролл-Хансен сравнивает положение ВАСХНИЛ и Вавилова в 1929 и

1934 г. Летом 1929 г. Вавилов, Тулайков и Горбунов назначены вице-президентами ВАСХНИЛ. Тогда же Николай Горбунов (в прошлом личный секретарь В. И. Ленина, затем секретарь СНК) писал Вавилову, предвидя невозможность что-либо исправить, когда будет принято решение по академии. Он требовал, чтобы тот отменил экспедицию и занялся выработкой структуры новой организации. Вавилов отказался и отправился в Среднюю Азию и на Дальний Восток, предоставив Горбунову заниматься скучной бюрократией. В декабре 1929 г. академию подчинили Наркомзему СССР, а Вавилова назначили президентом (тогда же с одобрения ЦК он был избран действительным членом АН СССР). И уже с момента оформления академия носила бюрократический и иерархический характер.

Ролл-Хансен рассматривает провал научной политики Вавилова и дает картину реорганизации ВАСХНИЛ с мая по июль 1934 г., когда она была подчинена Совнаркому СССР, когда институты перешли из академии в Наркомзем и было назначено 50 академиком, а руководство от ученых безвозвратно перешло к президиуму и секретариату академии, где преобладали партийные бюрократы. Он описывает революцию в ВИРе и ход событий, приведших к отмене празднования 10-летия ВИРа и 25-летия научной деятельности Вавилова (февраль 1935 г.).

Пятая глава «Яровизация» посвящена тому, что было брендом Лысенко много лет. Ролл-Хансен описывает спектр оценок яровизации, данных ведущими специалистами: одни демонстрировали энтузиазм, другие – скепсис. Максимов заинтересован, но это не новость – лабораторные опыты вел и он, и Гасснер, заслуга агронома Лысенко в том, что он исполь-

зовал теоретическое открытие Гасснера так, что им может воспользоваться каждый колхозник. Вавилов утверждает, что Максимов недооценивает работу товарища Лысенко. Лисицын, Константинов, Костов критикуют яровизацию за малый масштаб и необходимость ручной работы. Ролл-Хансен замечает: успех яровизации предсказывали академические физиологи растений, а скепсис выражали проникательные аграрные ученые. Но главное то, что многие ведущие специалисты так или иначе обсуждали яровизацию. Ролл-Хансен напоминает, что «Бюллетень яровизации» был учрежден в 1932 г., а журнал «Яровизация» в 1935 г. Он подчеркивает, что Лысенко избегал вопросов, при каких условиях яровизация увеличивает урожай и как велик этот прирост. И что после 1937 г. о яровизации не было слышно: ее поражение замалчивали.

Описывая международные отклики, Ролл-Хансен сравнивает выпуски британского «Бюллетеня Имперского бюро растениеводства» 1933 г. и 1935 г. и позиции ведущих авторов этих выпусков на Ботаническом конгрессе 1935 г.: Хадсон дает резюме работ без попытки критического анализа; Грегори, который сам работал в этой области, осторожен и критичен. Британская пресса благосклонна к Лысенко, германская – сожалеет о несомненной переоценке значения яровизации и некритичном подборе литературы для бюллетеней.

В шестой главе «От проблем растениеводства к генетическому спору» Ролл-Хансен отмечает, что оба они, Вавилов и Лысенко, были заинтересованы в приложении яровизации к мировой коллекции (выбор пар для скрещивания делался на основе длины периода роста, и Вавилов утверждал, что мировая коллекция стала доступной благодаря яровиза-

ции). Ролл-Хансен прослеживает контакты Вавилова с Лысенко: в мае 1932 г. Вавилов в Одессе восхищается Лысенко, в марте 1933 г. выдвигает его на премию Совнаркома, в феврале 1934 г. – в членкоры. Выездную сессию двух академий в Одессе в июне 1935 г. возглавлял Вавилов, и тогда же Лысенко стал академиком ВАСХНИЛ. Когда же фокусом дискуссии стали проблемы наследственности, то Вавилов защищал не генетику, а лишь ВИР и свою работу.

В седьмой главе «Два направления в генетике» Ролл-Хансен сосредоточен на анализе дискуссии на IV сессии ВАСХНИЛ в декабре 1936 г. Он цитирует письмо Мёллера к Хаксли о позиции ведущих партийных функционеров К. Баумана и Я. Яковлева о наследственности, особенно человека. В кулуарах сессии Яковлев утверждал, что за три поколения социализма гены изменятся настолько, что сделают все расы одинаковыми (впрочем, Богданов ещё раньше предлагал всем пролетариям обменяться кровью, тогда все расы и типы людей исчезнут при создании Нового Человека, хозяина Нового Мира.)

В восьмой главе, «Против буржуазной идеологии в науке», Ролл-Хансен обращает внимание на московские процессы и Пленум ЦК по конституции, давшие политическую сцену последствий сессии 1936 г. Эти последствия – письмо Н. К. Кольцова, защитника генетики, его обсуждение на президиуме ВАСХНИЛ и на его активе. А также отмена VII Конгресса по генетике, который должен был состояться в Москве в августе 1937 г. Норвежский медгенетик Отто Лаус Мор в этот период был председателем Постоянного международного комитета, определяющего место проведения очередного конгресса по генетике. Ролл-Хансен обильно ци-

тирует переписку Мора по этому вопросу. Ранняя программа (март 1936) включала пленарную сессию по вопросам генетики и селекции растений с докладчиками Лысенко и Г. Нильсоном-Эле. Для сессии «Генетика человека и ее приложения к медицине, антропологии и психологии» были предложены докладчики: Ланселот Хогбен (чьё имя не разбирали публикаторы важных материалов по истории VII конгресса ⁷), Дж. Б. С. Холдейн, С. Г. Левит; для сессии по расовым теориям обсуждались: Отмар фон Вершур, Кристина Бонневи и Лайонел Пенроуз, а также Ойген Фишер, Юлиус Бауэр, Хаксли, Мор, Дженнингс. Болезненное отношение И. В. Сталина к биологии человека стало одной из причин отмены Московского конгресса ⁸. Когда Вавилов потерял всякую надежду на проведение конгресса в Москве, он по-прежнему поддерживал впечатление, что ничего не случилось, пишет Ролл-Хансен. Мор, симпатизирующий СССР, получил по своим каналам сведения, позволившие верно оценить положение дел, и занялся устройством нового места конгресса. При выборе: Москва (1938) или Эдинбург (1939) голосование было 3 к 9 за Эдинбург.

Ролл-Хансен подчеркивает, что, когда знающие западные ученые, как Холдейн, Бернал, Нидхэм, защищали в 1930–1940-х гг. деятельность Лысенко в генетике как легитимную науку, они аргументировали это тем, что он представлял одну из сторон в открытых научных дебатах. Когда в 1949 г. Хаксли осудил Лысенко, то

⁷ «В советскую биологию вовлечена идеология...» // ВИЕТ. 2005. № 4. С. 49, 52.

⁸ *Krementsov N.* International science between the world wars: the case of genetics. London; New York, 2005; *Бабков В.В.* Медицинская генетика в СССР // Вестник РАН. 2001. Т. 71. № 10. С. 927–937.

главным аргументом против него было свертывание открытых научных дебатов, а не ложность его заявлений.

В девятой главе «Лысенко берет верх» Ролл-Хансен разбирает ход реорганизации ВАСХНИЛ в 1934–1935 гг. Причины реорганизации он видит в экономических мотивах (и политической лояльности Лысенко в 1936–1937 гг.). Вавилов как президент не сделал приоритетом академии экономический эффект, заключает Ролл-Хансен. От успеха в научной дискуссии 1936 г. (под руководством Мейстера) Лысенко идет к новому успеху в идеологической дискуссии 1939 г. под руководством Митина.

В книге две фактические ошибки. Статья в газете «Правда» 1939 г. критиковала вместе с Н. К. Кольцовым Л. С. Берга, а не М. М. Завадовского (с. 263). Н. П. Дубинин вступил в партию после того как стал академиком, а не к началу 1930-х (с. 258). Второй пассаж намекает на слабость политики науки Н. К. Кольцова, взявшего его в свой институт для продолжения генетических исследований после высылки С. С. Четверикова, а тот позже стремился занять место своего благодетеля (модель: Вавилов возвысил Лысенко, тот разрушил дело его жизни.) Партийцем был А. С. Серебровский, прогнавший Дубинина из своей лаборатории. От Серебровского Кольцов дистанцировался по этическим соображениям, а не из-за партийности. (Он, например, общался с партийцем С. Г. Левитом, несмотря на политические разногласия.) Дубинин, блестящий организатор экспедиций, легко писавший статьи, был полезен институтской генетике. Кольцовский институт, от которого в ходе культурной революции отложилось пять исследовательских учреждений, сохранял свое лицо в течение всех атак 1930-х гг. Лишившись директора, под

чудовищным давлением, он сохранял жизнеспособные структуры до середины 1960-х, когда Б. Л. Астауров собрал их и создал Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова. Политика науки Кольцова была в высшей степени успешной⁹.

В главе 10 «Завершающая дискуссия. Почему это случилось?» обсуждение идет в контексте «этоса науки» Роберта Мертона и лысенковщина трактуется как уникальный социальный эксперимент, имеющий общее значение для политики науки. Ролл-Хансен ссылается на привычное противопоставление чистой и прикладной науки, падение строгости в ряду физика – биология – общественные науки, и экономическое значение агронаук по сравнению с физикой. Но это объяснение неполно (в 1948 г. самой прикладной и экономически значимой наукой была военная физика). Ролл-Хансен отмечает тот факт, что методологическая революция, которую Вавилов поддерживал в 1932 г., принижала автономию науки и, как следствие, легитимность возражений, которые он выдвигал в 1939 г. При публикации в 1946 г. английского перевода «Наследственности и ее изменчивости» Лысенко, как отметил Ролл-Хансен, Добржанский желал прямой и открытой критики, а Дэнн (поклонник Сталина) настаивал, что достаточно ограничиться изложением взглядов Лысенко, выраженных его же словами.

Претензии марксистской философии на верховенство над естественными науками продолжались и после падения Лысенко в 1964–1965, гово-

⁹ Бабков В. В. О принципах организации Института Н. К. Кольцова // Науковедение. 2000. № 2. С. 132–142; Бабков В. В. Н. К. Кольцов: борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // ВИАТ. 1989. № 3. С. 3–20.

рит Ролл-Хансен и ссылается на книгу влиятельного философа либерального направления И. Т. Фролова «Генетика и диалектика» (1968). Фролов утверждал, что целью Марка Митина и других философов на конференции 1939 г. было достижение жизнеспособного компромисса между двумя направлениями в генетике и что его позиция была такой же, как и позиция Вавилова в 1936 г. Философы, по Фролову, призывали к «дружескому сотрудничеству и совместной принципиальной критике недостатков и ошибок, чтобы избавиться от односторонности защищаемых теоретических позиций». Фролов считал, что лишь позже это отношение изменилось и что растущая нетерпимость привела к сессии 1948 г. Однако сопоставление Фроловым позиций Вавилова и философов не принимало во внимание научных вопросов: Вавилов был убежден в правильности физиологии растений Лысенко, но был последовательным критиком его генетики, а Фролов просмотрел этот существенный момент; Фролов, продолжает Ролл-Хансен, поддерживал научно несостоятельное «мичуринское учение», приписывая Мичурину выдающиеся результаты, «значение которых для генетики и биологии в

целом не имело себе равных». Замечу, что русские генетики относились к книге Фролова по-разному. Одни приветствовали, что появилось «хоть что-то». Другие считали книгу попыткой указать пределы дозволенного в рассказе о трагедии генетики, и попыткой неуравновешенной. Этот дисбаланс в пользу сталинских философов сыграл свою роль в появлении (при поддержке Митина) мемуаров Дубинина¹⁰, где с партии, правительства и карательных органов вина за трагедию генетики перекладывалась на крупнейших генетиков старшего поколения.

Завершая книгу, Нильс Ролл-Хансен говорит: сейчас важна не загадка августа 1948 г., а то, как плохая наука выросла из хорошей науки под влиянием определенной политики науки. СССР был пионером современной политики науки и массового высшего образования. Его пример повлиял на развитие науки и высшего образования на Западе в XX в. Поэтому лысенковщина заслуживает нового внимания в XXI в. Нильс резюмирует утверждением: сейчас «время изучать эффект Лысенко, а не дело Лысенко».

В. В. Бабков

Борис Львович Астауров: очерки, воспоминания, письма, материалы / Отв. ред. О. Г. Строева. М.: Наука, 2004. 427 с.

В 2004 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из ведущих отечественных биологов XX в. академика Бориса Львовича Астаурова (1904–1974). Ученик С. С. Четверикова и Н. К. Кольцова, начинавший как генетик-«дрозофилист», он получил наибольшую известность как

автор классических работ по генетике, партено- и андрогенезу и полиплоидии тутового шелкопряда. Не менее значим его организационный вклад в отечественную науку: Астауров был основателем и первым директором Института биологии развития (позднее им. Н. К. Кольцова) АН СССР, организатором журнала «Онтогенез», первым президентом организованного в 1966 г. Всесоюзного

¹⁰ Дубинин Н. П. Вечное движение. М. Политиздат. 1973.